

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.8>

Юсупова Нурфия Марсовна

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЗАЦИИ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

В статье выявлены и проанализированы ключевые особенности символизации в татарской поэзии XX столетия. Рассмотрены характерные для национальной культуры условия и формы символизации, соотносящиеся с творческими установками и принципами того или иного художника; выделены устойчивые символы в каждом этапе словесного искусства, определено их смысловое и функциональное поле. В качестве доминирующих предпосылок установлены литературно-эстетический, общественно-философский и культурологический факторы. Цель статьи состоит в выявлении особенностей и условий символизации в татарской поэзии XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:801.6

Дата поступления рукописи: 17.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.8>

В статье выявлены и проанализированы ключевые особенности символизации в татарской поэзии XX столетия. Рассмотрены характерные для национальной культуры условия и формы символизации, соотносящиеся с творческими установками и принципами того или иного художника; выделены устойчивые символы в каждом этапе словесного искусства, определено их смысловое и функциональное поле. В качестве доминирующих предпосылок установлены литературно-эстетический, общественно-философский и культурологический факторы. Цель статьи состоит в выявлении особенностей и условий символизации в татарской поэзии XX века.

Ключевые слова и фразы: татарская поэзия; символизация; символ; функция; поэтическая особенность; литературный процесс.

Юсупова Нурфия Марсовна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
faikovich@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЗАЦИИ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Символизация присуща многим культурам, однако в каждой национальной культуре этот процесс имеет свои особенности. Эти особенности зависят, прежде всего, от внешних условий и связаны с переменами в общественно-философской мысли отдельно взятого этноса, национального сообщества. В. И. Антонов на материале восточной литературы доказывает, что в каждом символе фокусируются особенности конкретного общества и культуры; природа символа условна и объективируется в контексте конкретной социокультурной системы, в нем заложено ее кодово-смысловое основание, символы служат важным фактором социокультурного кодирования [1, с. 39]. Татарская литература, генетически связанная с литературой арабo-мусульманского Востока, сохраняет и характерные для последней особенности символизации. Смысл символического образа в татарской поэзии возникает как взаимодополнение различных значений, что позволяет говорить о множественности смысловых пластов в структуре символа [10, с. 111].

Изменения в общественно-философской и идеологической мысли играют важную роль в смене направлений художественного творчества в целом, в «выдвижении» того или иного типа, вида символов на первый план, в наполнении их особым семантическим содержанием, в частности. В свою очередь, такие важные структурообразующие единицы литературного творчества, как символы, служат сохранению основной концепции национального художественного мышления путем транслитерации знаковых ментальных и эстетических ценностей. Наши наблюдения над процессом символизации в татарской литературе показывают, что любые внешние изменения, способствующие трансформациям в национальном художественном мышлении, приводят к обогащению системы символов новыми смысловыми вариациями и эстетическими приемами.

Безусловно, процесс символизации связан с имманентными законами развития самой национальной литературы. Каждый этап в словесном искусстве, его стиль накладывают свой отпечаток и на процесс символизации. По мнению Л. А. Колобаевой, художественно ценный символ – чаще всего прогноз, предвестье перемен, готовящихся в жизни общества, нации или даже мира. В подобных символах особенно нуждаются эпохи переломные, живущие в ожидании нового и неизвестного. Художественный смысл в такие эпохи может, действительно, стать формой опережающего отражения пришедшей в движение исторической реальности, если художник обладает чутьем к истине, к смыслу главных и революционизирующих тенденций общественного бытия [6, с. 216]. Именно таким переломным моментом в татарской литературе является начало XX века.

Начало XX века для татарской культуры – период формирования новой светской литературы, активного поиска новых приемов и средств художественной выразительности, обогащения содержания и формы литературного произведения; характеризуется усилением символического мышления. В целях совершенствования словесного искусства национальная поэзия вырабатывает свою собственную систему условно-метафорических образов, весьма богатый арсенал символов, отражающих национальное своеобразие, специфику татарской культуры и этнические корни. В татарской поэзии начала XX века символизация как один из принципов художественного мышления получает широкое распространение, прежде всего, в рамках модернистской художественной парадигмы.

Положительное восприятие символов в национальной художественной литературе этого времени связано с несколькими факторами: для ее развития была подготовлена философская, культурная и литературная почва. Проникновение символизма в татарскую поэзию начала XX века, ее место в национальном литературном процессе, усиление образности в национальном искусстве слова, перемены в национальном сознании, в общественно-философском, литературном мышлении – все это оказало сильное влияние на расширение сферы использования символов.

Символы в поэтических текстах этого периода национально специфичны: их семантика формируется, с одной стороны, культурными и литературными кодами, с другой – культурно-историческим контекстом.

Особенности символизации в татарской поэзии начала XX века подробно описаны нами в статье «Символизация в татарской поэзии XX века» [10, с. 111-114]. Поэтому в рамках данной статьи особое внимание уделим выявлению особенностей символизации, начиная с 1920-х годов.

Татарскую литературу 1920-1950-х годов целесообразно оценить как период «крушения идеалов» начала XX века. В истории татарской поэзии XX века 1920-30-е годы определяются временем новых художественных поисков, так как новая культурологическая, философская ориентация становится импульсом для формирования новых тенденций в национальном словесном искусстве данного периода. Тем не менее и в этот период сохраняется основа системы национальных символов. Подобное явление может быть объяснено необходимостью сохранения диалога с читателем, оказавшимся в сложной социально-политической ситуации, ибо в это время подключается эзопов язык, табу – своего рода принципы запрета. С другой стороны, для татарской поэзии символизация остается по-прежнему «любимым» поэтическим стилиобразующим компонентом. В творчестве татарских поэтов 1920-х годов, особенно в произведениях Х. Такташа, наблюдается «увлечение» символами. Символы выходят на первый план в его поэзии как структурообразующие центры, о чем свидетельствуют такие произведения, как «Таң кызы» («Дочь зари», 1921), «Урман кызы» («Лесная девушка», 1922), «Зәңгәр күзләр» («Голубые глаза», 1923), «Кояш күктә шулай мәңге йөзәр» («Солнце на небе будет вечно», 1923) и др.

В произведениях этого периода в целом наблюдается обращение к мифологическим сюжетам, активное использование мифологических символов: Х. Такташ «Күктән сөрелгәннәр» («Изгнанные с небес», 1918), «Жир улары трагедиясе» («Трагедия сынов земли», 1923); М. Джалиль «Кабил һәм һабил» («Каин и Абель», 1923); «Яна тарихы әнбия» («Новая история пророков», 1923); М. Гафури «Күк жырлары» («Песни небес», 1923) и др. В произведениях возникают глубоко содержательные, имеющие различные варианты прочтения, сложные в использовании символы, опирающиеся на традиции символизации литературы начала XX века.

Начиная со второй половины 1920-х, особенно 1930-х, годов в литературе интерес к народному творчеству, к языческой и особенно мусульманской мифологии заметно снижается. Он выражается лишь в обращении к поэтико-символистским образам времени, эпохи, смерти и бессмертия, луны, солнца, звезд, различных птиц, деревьев и др., непосредственно связанным с языческими мифологическими воззрениями, а сюжеты мифов и легенд теряют актуальность как средство символизации. Начало социально-политических реформ сопровождается подсознательным приближением словесности к идеологической мифологии, мифопоэтическим универсалиям и архетипам. Так социально-политические реформы 1920-х гг. становятся основой для новых идеологем и мифологем. Как модель мира, так и функциональное и смысловое поле образов-символов, сформировавшееся в художественной словесности в 1920-30-е гг. XX века, существенно отличаются от художественно-эстетических исканий предшествующих периодов в развитии литературы [9, с. 44].

Словесное искусство 1920-1950-х годов характеризуется ярко выраженной мифологичностью и постепенно, по мнению Х. Гюнтера, все более «превращается в официальный резервуар государственных мифов» [3, с. 743]. В процессе созидания тоталитарного синтеза искусств эстетическая функция утрачивает свое привилегированное положение в литературе. В словесном искусстве наблюдается «смена художественных парадигм, приведшая к вытеснению художественного кода рубежа веков, заданного эстетикой модернизма (в первую очередь, символистской эстетикой), “художественным языком” социалистического реализма, утвердившегося к началу 1930-х годов» [2, с. 6]. Именно такая новая «культурологическая, философская ориентация» оборачивается поиском идеологических универсалий, символических структур для выделения идеологического содержания, становится импульсом для формирования новых тенденций, идеологически окрашенных архетипов и символов, активизации идеологических образов и сюжетов в статусе образа-символа в татарской поэзии 1920-1950-х годов.

Например, в поэмах «В Татарстане» («Татарстанда», 1925), «Синий волк» («Зәңгәр бүре», 1925), «На, партия, меня» («Ал, партия, мине», 1926), «О недопетых песнях» («Жырланмаган жырлар турында», 1926), «На даче» («Дачада», 1926) Х. Туфана, в стихотворениях «Счастье» («Бәхет», 1919), «Красный город» («Кызыл шәһәр»), «Красный праздник» («Кызыл бәйрәм»), «Перед смертью» («Үлем алдыннан», 1923) М. Джалиля, поэмах и балладах «Синяя звезда» («Зәңгәр йолдыз»), «Мы – дети Земли» («Без – Жир уллары»), «Седьмая печь» («Жиденче мич»), «Я жду тебя» («Сине көтәм») Ф. Карима и т.д. обнаруживается наличие трех идеологических мотивов: вера в светлое будущее, жертвенность, борьба за свободу «социализма», которые сопровождаются такими «мифологическими» символами, как Родина и Красное знамя.

Однако «процессы брожения новых творческих элементов происходили в глубинных слоях литературы, была эта специфика обусловлена национальным характером художественного мышления татарского народа, мышления, которое складывалось в течение многих веков его трудной, а зачастую и трагической истории. Это – умение мыслить нюансами, в едва уловимых деталях находить глубокие противоречия, или, наоборот, умение объединять несходное, непохожее, обнаруживать их глубинную сходную сущность» [8, с. 165-166]. Такая тенденция наблюдается и в символической структуре татарской поэзии этого периода. Наряду с «идеологически окрашенными» символами в татарской поэзии намечается использование образов-символов народного творчества как возможность смены художественных парадигм. Именно они в символической системе являются «периферийными» явлениями, способствующими «разрушению “метаязыка”, культуры социалистического реализма» [Там же, с. 148]. Такая тенденция присуща поэтическим произведениям А. Файзи, С. Хакима, Х. Туфана и ярко проявляется в поэзии военного периода. Например, в стихотворении «Ак каен» Х. Туфана прослеживается стилизация под народные песни, лиризм, простота изложения

чувств, музыкальность, характерная для устного творчества. В композиционном плане стихотворение представляет собой диалог Хайбуллы с белой березой. Создание образов и диалог-беседа с березой в основе своей воссоздают форму народной песни. В тексте мотив борьбы неразрывно связан с трагедией Гражданской войны, суть горя раскрывается посредством риторических вопросов и ответов: причиной страдания лирического героя становится акт повешения его «белыми» на березе. Образ-символ березы и ее производные, символизирующие в русском фольклоре девушку, в татарских фольклорных текстах традиционно маркируют систему психологического состояния души и служат для выражения тоски, горя, грусти. В субъективном пласте стихотворения образ белой березы, обновляя традиции татарской народной песни, символизирует горе и тоску, а картина сбрасывания березой своей листвы становится средством демонстрации силы и глубины тоски, траура. Такая же тенденция намечается и в творчестве М. Джалиля. Палатализованное отношение к внутреннему миру, в свою очередь, приводит к обогащению лексических средств языка, появляются поэтические образы, примыкающие к народным образам, широкие смысловые сравнения, символы. Так, в стихотворении «Песня родника» (1936), написанном одической строфой, характерной для народного творчества, очищающий и омолаживающий природу образ родника выводит на передовые позиции идею любви лирического героя к человечеству, его стремление очистить землю.

«Вторая волна» активизации символов в татарской поэзии XX века наблюдается в середине 1960-х годов, когда в символической системе поэзии начинаются качественные преобразования, так как общественно-философская и литературная почва для этого уже была подготовлена.

Во-первых, новации в философско-общественной и литературно-эстетической мысли объясняются ослаблением жестких идеологических установок, что приводит к гуманизации литературы. Позитивные социальные процессы, рост интереса к общечеловеческим ценностям, вечным темам открывают возможность трансформации символической системы в поэзии.

Во-вторых, тенденция активизации символов связана с закономерностями развития самой литературы, со стремлением поэзии к художественному обновлению. Поэты, выходя за рамки традиционного мышления, прибегают к использованию символических образов, к своеобразным приемам и средствам изображения. Авангардные поиски, которые проявляются в «многослойности содержания, вариативности» [4, б. 8], являются новой тенденцией, возникшей на качественно новой, философской основе. Эта особенность воспринимается как «возвращение к традициям модерна золотого периода татарской поэзии» [Там же, б. 5]. На фоне таких преобразований в творчестве Зульфата, Р. Зайдуллы, Р. Хариса появляются поэтические произведения, которые предлагают символистскую модель мира.

Пути развития татарской поэзии второй половины XX века во многом сходны с тенденциями, наметившимися и в русской литературе. В результате обновленческих процессов в общественно-философской мысли начинается поиск иных возможностей развития. Активизацию эзопова языка ученые (Н. Лейдерман, М. Липовецкий) считают одной из основных тенденций шестидесятых годов [7, с. 61]. Символы, проникнутые критикой общества и официальной идеологии, «обернутые» в философское содержание, приводят к художественному совершенствованию поэзии и заметно повлияют на усиление ее образности и условности. С помощью «эзопова языка» в таких произведениях, как «Батый-ханга ачык хат» («Открытое письмо Батый-хану», 1963) С. Баттала, «Ялган яз» («Обманчивая весна», 1969), «Яшел килеш яфрак коела» («Зелеными опадают листья», 1976) К. Сибгатуллина, «Кер чайкыйлар кызлар» («Белье ополаскивают девушки», 1964), «Башны салларга салып» («Голову кладя на плот», 1966), «Вулканнар бар диңгез төбендә» («Под морем есть вулканы», 1966), «Уен» («Игра», 1971), «Халык эле кышта яши» («Народ еще живет в зиме», 1973) Р. Файзуллина, «Гомер китабы» («Книга жизни», 1969) Г. Афзала и др., критическая парадигма направляется на критику тоталитарного режима, на первый план выходит герой с трагичной судьбой, трагизм героя объясняется общественно-социальными и политическими предпосылками. В связи с этим лирический герой указывает на несовершенство действительности, ее законов и бытия в целом, начинает разговор об общечеловеческих ценностях. Символы опираются на осмысление действительности как кризисного этапа советской идеологии.

Литературоведы отмечают, что татарскую литературу второй половины XX века целесообразно было бы рассмотреть как «литературу возвращения к национальным истокам» [5, б. 18]. В связи с этим отличительной особенностью татарской поэзии становится повышенный интерес к национальной тематике, мифологии, стремление выявить константы национальной культуры, найти основы национальной идентичности, что ярко проявляется в символической системе поэтических произведений. В татарской поэзии второй половины XX века, особенно в творчестве И. Юзеева, Р. Файзуллина, Р. Хариса, М. Агямова, К. Сибгатуллина, Зульфата, на первый план выходят национальные образы-символы и наблюдается активизация мифологических образов и сюжетов в статусе образа-символа. В поэмах И. Юзеева, Зульфата мифологический сюжет, генетически связанный с древними языческими верованиями или характерный для мировой мифологии, используется в трансформированном виде. Например, в поэмах «Соңгы төн» («Последняя ночь», 1972), «Очты дөнъя читлегеннән...» («В клетке мира было тесно...», 1980), «Мәңгелек белән очрашу» («Встреча с вечностью», 1982) И. Юзеева прослеживается усиление свойственной ему условной символики, основанной на аллегории, вобравшей в себя мотивы мировой мифологии. Мифологические образы-символы используются поэтом для оценки современного общества и человеческих взаимоотношений. Критерии действительности измеряются на фоне общечеловеческих и национальных нравственных ценностей.

Таким образом, нами выявлено несколько условий символизации на материале татарской поэзии XX века. Во-первых, символизация напрямую связана с переменами в общественно-философской мысли, во-вторых –

с имманентными законами развития самой литературы. В различные этапы эволюции и развития татарской поэзии символы выступают средством изображения действительности, характеризуя одну из важнейших тенденций национального историко-литературного процесса, с одной стороны, с другой – своеобразной «моделью» выражения философских раздумий поэтов о несовершенстве жизни, ее законов и бытия, об общечеловеческих ценностях.

Способы символаобразования соотносятся с творческими принципами и особенностями индивидуально-авторского художественного сознания, мироощущения и мировоззрения поэта. В этом ключе символы выступают своеобразными «кодами», определяющими универсальные и уникальные свойства национальной поэзии.

Список источников

1. Антонов В. И. Символ в обществе и культуре Востока. М.: Луч, 1993. 53 с.
2. Голубков М. М. Русская литература XX века: после раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
3. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. статей под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 743-785.
4. Заһидуллина Д. Ф. 1960-80 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.
5. Заһидуллина Д. Ф., Йосыпова Н. М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы: дәреслек: 2 томда. Казан: Казан университеты, 2011. Т. 2. XX йөзгә икенче яртысында татар әдәбияты. 198 б.
6. Колобаева Л. А. Символ как хранитель и возмутитель классических традиций (образ Дон-Жуана в русской литературе конца XIX – начала XX века) // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 207-216.
7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: учебное пособие: в 3-х кн. М.: Эдиториал УРСС, 2001. Кн. 1. Литература «оттепели» (1953-1968). 284 с.
8. Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 192 с.
9. Юсупова Н. М. Идеологические образы как образ-символ в татарской поэзии 1920-1930-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 44-46.
10. Юсупова Н. М. Символизация в татарской поэзии начала XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 4. С. 111-114.

**THE PECULIARITIES OF SYMBOLIZATION
IN THE TATAR POETRY OF THE XX CENTURY**

Yusupova Nurfiya Marsovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
faikovich@mail.ru

The article reveals and analyzes the key features of the symbolization in the Tatar poetry of the XX century. The paper considers conditions and forms of symbolization typical of the national culture, correlated with the creative attitudes and principles of this or that artist; stable symbols are identified at each stage of verbal art, their semantic and functional field is defined. Literary-aesthetic, social-philosophical and culturological factors are determined as the dominant prerequisites. The purpose of the article is to identify the features and conditions of the symbolization in the Tatar poetry of the XX century.

Key words and phrases: Tatar poetry; symbolization; symbol; function; poetic feature; literary process.